

Брошенный. Ги де Мопассан

— Ну, дорогая моя, прогулка в деревню по такой жаре — настоящее безумие! И вообще, за последние два месяца у тебя появились какие-то нелепые причуды. Не спрашивая моего согласия, ты увозишь меня к морю, хотя за все сорок пять лет, что мы женаты, тебе ни разу не приходила в голову подобная фантазия. Почему-то выбираешь Фекан, скучнейший городишко, и тут тебя вдруг обуревают такая жажда движения, — тебя, закоренелую домоседку, — что ты желаешь разгуливать по полям в самый знойный день лета. Попроси д'Апреваля сопутствовать тебе, благо он исполняет все твои прихоти. А я пойду отдохнуть после завтрака.

Г-жа де Кадур повернулась к своему давнишнему другу:

— Вы пойдете со мной, д'Апреваль?

Он, улыбаясь, поклонился со старомодной галантностью.

— Готов повсюду следовать за вами, — сказал он.

— Хорошо, ступайте, если не боитесь солнечного удара! — воскликнул г-н де Кадур.

И он вернулся в Отель де Бен подремать в постели часок-другой.

Оставшись вдвоем, старая женщина и ее старый друг тотчас тронулись в путь. Она произнесла очень тихо, сжимая его руку:

— Наконец-то! Наконец!

Он прошептал:

— Вы с ума сошли! Уверяю вас, вы с ума сошли. Подумайте, чем вы рискуете. Если этот человек...

Ее передернуло:

— О Анри, не говорите про него: «этот человек»...

Он продолжал резким тоном:

— Хорошо! Если наш сын о чем-нибудь догадается, если он нас заподозрит, — вы у него в руках, мы оба у него в руках. Вы спокойно жили сорок лет, не видя его. Что с вами сегодня?

Они шли по длинной улице, которая вела от моря к городу. Потом свернули направо, чтобы подняться на возвышенность Этрета. Белая дорога вилась под жгучим ливнем солнечных лучей.

Ослабев от палящего зноя, они двигались медленно, мелкими шажками. Г-жа де Кадур взяла своего друга под руку и шла, устремив вперед неподвижный, тоскливый взгляд.

— Значит, вы тоже ни разу не видели его, — сказала она.

— Нет, ни разу!

— Как же это можно?

— Дорогая, не будем возвращаться к вечному нашему спору. У меня жена и дети, у вас — муж, следовательно, нам обоим надо беречь свою репутацию.

Она ничего не ответила. Она думала о своей далекой молодости, о многом, что минуло и было так печально.

Ее выдали замуж, как выдают всех молодых девушек. Она совсем не знала своего жениха, дипломата, жизнь ее с ним была обычной жизнью всех светских женщин.

Но вот один молодой человек, г-н д'Апреваль, как и она связанный браком, полюбил ее глубоко и страстно; и во время долгого отсутствия г-на де Кадура, уехавшего в Индию с политической миссией, она поддалась искушению.

Как могла она сопротивляться, устоять? Как могла она найти в себе силу и мужество не уступить, когда она тоже любила его? Нет, нет! Это было бы слишком тяжело. Слишком мучительно! Как жестока и коварна жизнь! Можно ли в таких случаях уйти от судьбы, можно ли спастись от роковой неизбежности? Когда женщина одинока, покинута, лишена ласки, не имеет детей, — может ли она постоянно убегать от преследующей ее страсти; кто же решится бежать от солнечного света, обрекая себя на жизнь во мраке до самой смерти?

До чего ясно помнится ей все, всякая мелочь: как он целовал ее, как улыбался и как, входя к ней, останавливался на пороге и смотрел на нее. Что за счастливые дни! Единственные светлые дни в ее жизни, и как быстро они пролетели!

Потом г-жа де Кадур заметила, что она беременна. Какое отчаяние!

А это путешествие на юг, длинное путешествие, и мучения, и непрерывный страх, и эта жизнь, в маленькой уединенной вилле на берегу Средиземного моря, в глубине сада, откуда она не осмеливалась выходить!

Навсегда запомнились ей томительные дни, когда она лежала под апельсиновым деревом, устремив глаза на желто-красные круглые плоды, мелькавшие в зеленой листве. Как хотелось ей выйти, прогуляться к морю — его свежее дыхание долетало через каменную ограду, она слышала плеск коротких волн на берегу, и ей грезилась голубая ширь, сверкающая на солнце, и белые паруса, и очертания горы на горизонте! Но она не смела выглянуть за калитку сада. Вдруг кто-нибудь узнает ее, когда она так обезображена, когда расплывшаяся грузная фигура выдает ее позор!

А дни ожидания, последние мучительные дни! Тревожные признаки! Первые схватки! Потом страшная ночь! Сколько она выстрадала!

Что это была за ночь! Как она стонала, кричала! Она и сейчас еще видела перед собой бледное лицо своего любовника, который поминутно целовал ее руку, видела гладко выбритое лицо врача, белый чепчик сиделки.

И как дрогнуло ее сердце, когда она услышала слабый писк ребенка, похожий на мяуканье, первую попытку человека подать голос!

А следующий день! Следующий день! Единственный день в ее жизни, когда она могла смотреть на своего сына и целовать его, — с тех пор она ни разу, хотя бы издали, не взглянула на него!

С тех пор — долгое и пустое существование, постоянно омраченное мыслью о ребенке! Она больше не видела, ни разу не видела маленькое существо, — рожденное ею, не видела своего сына! Его взяли, унесли, спрятали где-то. Она знала лишь, что его отдали на воспитание в семью нормандских крестьян, что он сам стал крестьянином, удачно женился и был хорошо обеспечен своим отцом, имени которого не знал.

Сколько раз за сорок лет она порывалась ехать к нему — увидеть, обнять его! Она не могла представить себе, что он вырос. Ей всегда вспоминалась человеческая личинка, которую она всего один день обнимала и прижимала к своей истерзанной груди.

Сколько раз говорила она своему любовнику: «Я больше не могу, я хочу, его видеть, я поеду...»

И всегда он не пускал, отговаривал ее. Она не в силах будет сдержать волнение, совладеть с собой, тот человек догадается, захочет извлечь из этого выгоду. Она погубит себя.

— Какой он? — спрашивала г-жа де Кадур.

— Не знаю. Я его больше не видел.

— Как это можно? Иметь сына и не знать его, бояться его, отталкивать, как что-то постыдное!

Это было чудовищно.

Они шли по длинной дороге, истомленные жгучим солнцем, все поднимаясь и поднимаясь в гору. Она заговорила снова:

— Разве это не похоже на кару? У меня не было других детей. Нет, я не могла дольше противиться желанию увидеть его, оно преследует меня сорок лет! Вам, мужчинам, этого не понять! Подумайте, мне осталось недолго жить, и вдруг я бы не увидела его перед смертью! Не увидела — мыслимо ли это? Как я могла ждать так долго? Всю жизнь я думала о нем. Как ужасно было из-за этого мое существование! Всякий день, когда я просыпалась, слышите, всякий день, — первая моя мысль была о нем, о моем ребенке. Какой он? О, как я перед ним виновата! Разве можно в таких случаях считаться с мнением света? Я должна была бросить все и ехать к нему, воспитывать, любить его. И, конечно, я была бы счастливее... Но я не решилась! Я была малодушна. Как я страдала! Маленькие, брошенные существа!.. Как они должны ненавидеть своих матерей!

Она вдруг остановилась, захлебнувшись слезами. Долина в слепящем свете знойного дня была пустынна и безмолвна. Только кузнечики неумолчно и пронзительно трещали, прыгая в редкой и желтой траве по обеим сторонам дороги.

— Посидите немного, — сказал он.

Он отвел ее к краю придорожной канавы, и она в изнеможении опустилась на землю, закрыв лицо руками. Ее седые волосы, завитые локонами, распустились; она плакала, не в силах превозмочь своей глубокой скорби.

Он стоял перед нею в тревоге и не знал, что сказать.

— Перестаньте!.. Будьте мужественны! — бормотал он.

Она поднялась.

— Да, у меня хватит мужества.

И, отерев глаза, она снова двинулась в путь неровной старческой походкой. Немного дальше дорога вела через рощицу, в которой приютились несколько домиков. Путники уже слышали равномерный и звонкий стук кузнечного молота по наковальне.

Вскоре они увидели справа от дороги телегу перед каким-то зданием; дальше, под навесом, два человека подковывали лошадь.

Г-н д'Апреваль направился к ним.

— Где ферма Пьера Бенедикта? — крикнул он.

Один из кузнецов ответил:

— Свернете налево, как раз у самого кабачка, а потом идите все прямо. Третий двор от фермы Порета. У калитки — елочка. Не ошибетесь.

Они повернули налево. Теперь женщина шла совсем медленно, ноги у нее подкашивались, сердце колотилось так неистово, что она задыхалась.

На каждом шагу она шептала, словно молилась:

— Боже мой! О боже мой!

Невыносимое волнение сдавило ей горло, она пошатывалась и еле переступала, как будто у нее отнимались ноги.

Г-н д'Апреваль нервничал и был бледен.

— Раз вы не можете владеть собою, вы сразу выдадите себя, — резко сказал он. — Постарайтесь держать себя в руках.

Она пробормотала:

— Где взять силы? Мой сын. Подумать только, я увижу моего сына!

Они шли узкой проселочной дорогой между дворами ферм под ветвями двойного ряда буков, посаженных вдоль канав. И вдруг очутились у деревянного забора, перед которым росла молодая ель.

— Здесь, — сказал г-н д'Апреваль.

Она сразу остановилась и огляделась.

Широкий двор, обсаженный яблонями, тянулся до маленького домика, крытого соломой. Напротив — конюшня, рига, хлев, курятник. Под шиферным навесом — деревенские повозки: телега, двуколка, шарабан. Четыре теленка щипали ярко-зеленую траву в тени деревьев. По двору бродили черные куры.

Ни звука. Дверь в доме стояла настежь. Но никого не было видно.

Они вошли. Из бочки, лежащей под высокой грушей, выскочила черная собака и принялась яростно лаять.

У входа, вдоль стены дома, четыре улья на дощатых подставках выставили в ряд свои соломенные купола.

Г-н д'Апреваль подошел к домику и крикнул:

— Есть кто-нибудь?

На пороге показалась девочка лет десяти, в рубашке и шерстяной юбке, с босыми грязными ногами, застенчивая и угрюмая на вид. Она остановилась в дверях, словно преграждая вход.

— Вам чего надо? — спросила она.

— Отец дома?

— Нет.

— Где он?

— Не знаю.

— А мама?

— Пошла коров доить.

— Скоро она вернется?

— Не знаю.

Тут вдруг старая дама, словно испугавшись, что ее уведут насильно, торопливо сказала:

— Я не уйду, пока не увижу его.

— Мы подождем его, дорогая.

Обернувшись, они увидели крестьянку: она шла к дому, неся два жестяных, по-видимому, тяжелых, ведра, по которым бегали ослепительные солнечные зайчики.

Женщина прихрамывала на правую ногу, грудь ее была обтянута коричневой фуфайкой, линялой, вымоченной дождями, порыжевшей от летнего солнца; она походила на бедную батрачку, жалкую и неряшливую.

— Вот и мама, — сказала девочка.

Крестьянка окинула чужих людей неприветливым, подозрительным взглядом и вошла в дом, словно не видя их.

У нее было худое и желтое, жесткое, деревянное лицо, как у многих крестьянок; она казалась старухой.

Г-н д'Апреваль окликнул ее:

— Хозяйка, мы зашли попросить, не продадите ли нам два стакана молока.

Поставив ведра, она вышла на порог и буркнула:

— Я молока не продаю.

— Видите ли, нам очень хочется пить. Эта дама немолода и сильно устала. Нельзя ли достать у вас чего-нибудь напиться?

Крестьянка глядела на них настороженно и угрюмо.

В конце концов она согласилась.

— Ну ладно, раз уж вы пришли, я вам дам молока, — сказала она.

И скрылась в доме.

Девочка вынесла из комнаты два стула и поставила их под яблоней; вслед за нею вышла мать и подала посетителям две чашки пенистого молока.

Она остановилась около них, будто хотела последить за ними и разгадать, что у них на уме.

— Вы из Фекана? — спросила она.

Г-н д'Апреваль ответил:

— Да, мы приехали на лето в Фекан.

Помолчав, он добавил:

— Не можете ли вы продавать нам каждую неделю кур?

Крестьянка заколебалась, потом ответила:

— Да как сказать. Вам молодой надо?

— Да, молодой.

— А почему вы покупаете кур на рынке?

Д'Апреваль не знал, он обернулся к своей подруге:

— Дорогая, почему вы покупаете кур, молодых кур?

Она пробормотала, подняв глаза, полные слез:

— По четыре франка и по четыре пятьдесят.

Хозяйка искоса с удивлением посмотрела на нее и спросила:

— Чего эта дама плачет? Больна она, что ли?

Он не знал, что ответить, и проговорил запинаясь:

— Нет... нет... но она... по дороге потеряла часы, очень красивые часы, и расстроилась. Если кто-нибудь найдет их, дайте нам знать.

Жена Бенедикта ничего не ответила, решив, что тут дело не чисто.

Вдруг она сказала:

— А вот и хозяин!

Только она одна заметила, как он вошел, потому что стояла лицом к калитке.

Д'Апреваль сильно вздрогнул, г-жа де Кадур чуть не упала, резко повернувшись на стуле.

В десяти шагах от них появился человек, который вел на веревке корову, перегнувшись пополам и тяжело дыша.

— Вот шкура проклятая! — выругался он, не обращая внимания на посторонних; затем направился к хлеву и скрылся в нем.

Слезы на глазах старой женщины мгновенно высохли, она застыла, онемела, растерялась от ужаса. Сын! Это ее сын!

Д'Апреваль, которого больно кольнула та же мысль, спросил дрожащим голосом:

— Это и есть господин Бенедикт?

Хозяйка насторожилась:

— А кто вам сказал, как его звать?

Г-н д'Апреваль ответил:

— Кузнец на большой дороге.

И все замолчали, устремив глаза на раскрытую дверь хлева. Она зияла в стене черной дырой. Внутри ничего не было видно, но оттуда доносились неясные звуки, возня, топот, приглушенный разбросанной по земле соломой.

Хозяин снова показался на пороге, вытер лоб и двинулся к дому размашистой походкой, раскачиваясь при каждом шаге.

Он еще раз прошел мимо посторонних, как будто не замечая их, и бросил жене:

— Ступай нацеди кружку сидра, пить хочется.

И он вошел в дом. Хозяйка скрылась в погребе, оставив парижан вдвоем.

Г-жа де Кадур, в полном смятении, пролепетала:

— Уйдем отсюда, Анри, уйдем отсюда.

Д'Апреваль взял ее под руку, поднял и, поддерживая изо всех сил, так как чувствовал, что она вот-вот упадет, повел прочь, бросив на стул пять франков.

Едва они вышли за калитку, как г-жа де Кадур разрыдалась, вся содрогаясь от боли.

— О-о! Вот что вы сделали из него!..

Г-н д'Апреваль был очень бледен. Он сухо ответил:

— Я сделал, что мог. Его ферма стоит восемьдесят тысяч франков, Не всякий сын зажиточного горожанина имеет такой капитал.

И они медленно пошли назад, не говоря больше ни слова.

Она плакала не переставая. Слезы все текли и текли у нее из глаз, и катились по щекам.

Наконец они иссякли; путники вернулись в Фекан.

Г-н де Кадур поджидал их к обеду. Увидев их, он расхохотался и закричал:

— Прекрасно, у жены солнечный удар. Я очень рад. Право, я думаю, что с некоторых пор она потеряла рассудок!

Ни жена, ни ее друг не отвечали, а когда муж, потирая руки, спросил:

— Хорошо ли вы прогулялись по крайней мере?

Д'Апреваль ответил:

— Чудесно, друг мой, чудесно.